

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-525-531

EDN: XIWNCJ

В поисках определения «типа» современной социологии*

З.Т. Голенкова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: golenko@isras.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Ч. Торпа «Социология в постнормальную эпоху» (пер. с англ. Т.Ю. Адаменко. М.: Директмедиа Паблишинг, 2024. 480 с.). Отмечая убедительность предлагаемых Торпом «номинаций» современного общества и трансформаций социологического знания благодаря реферативно-обобщающим отсылкам к многочисленным работам известных социальных мыслителей прошлого и настоящего, автор все же выражает имплицитное несогласие с оценкой социологии в терминах «классовости», «буржуазности» и «идеологии». Со многими идеями Торпа относительно нынешней повседневности и внутридисциплинарных изменений сложно не согласиться, в отличие от его оценок роли и потенциала социологии в познании, просвещении и реформировании социальных систем.

Ключевые слова: социология; нормальность, гипернормальность и постнормальность; модерн и постмодерн; наука и идеология; глобализация и фрагментация

Для цитирования: Голенкова З.Т. В поисках определения «типа» современной социологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 525–531. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-525-531>

Книга Ч. Торпа о положении социологии в постнормальную эпоху начинается с утверждения, что «в 2016–2017 годах по всему миру прокатилась волна публикаций, возвещавшая о наступившем кризисе социологии» (после опросов общественного мнения, предшествовавших выборам в США и референдуму о членстве Великобритании в ЕС, данные которых радикально отличались от результатов голосований) (С. 7). Эта волна была далеко не первой и не последней, поскольку связана не с теоретической социологией, а с изучением субъективных мнений и представлений, которые подвижны и весьма условно коррелируют с реальными действиями. Социологи давно признали подверженность своих методических решений

*© Голенкова З.Т., 2025

Статья поступила в редакцию 16.11.2024. Статья принята к публикации 15.04.2025.

разнообразным смещениям, часть которых можно предвидеть и устранить, а часть сложно даже прогнозировать. Впрочем, это не значит, что «научное исследование общества становится невозможным и бессмысленным... признание подобного вывода означало бы неминуемое “закрытие” социологической профессии и отмену общественных наук» (С. 8). Книга Торпа посвящена ответу на вопрос, почему стало возможным «подобное интеллектуально невыносимое положение».

Свои рассуждения Торп начинает с характеристики «статуса» социологии в современном мире. «Социология — это институциональное пространство, выделенное в рамках университетской жизни для научного изучения... социального как такового, т.е. природы и конституции самого общества... Маргинальность и невнятность социологического голоса сегодня — свидетельство слепоты современного общества, его неспособности понять себя, увидеть в себе социум, неумения людей воспринять себя как человеческую общность... когда необходимые нормы солидарности блокируются господствующими социальными интересами и отношениями власти, а эти отношения власти также блокируют самосознание общества и саморефлексию социологии» (С. 17). Иными словами, «социология и ее трансформации воспроизводят изменения в отношениях между капиталом и социальной солидарностью... между капитализмом и человеческой социальностью как таковой; организация нормальности в модерне уступила место дезорганизации посмодернистской постнормальности» (С. 18).

Любая система знаний отражает объективные исторические условия своего формирования, поэтому соглашаешься с автором в том, что сегодня «в обществе больше нет условий для возникновения социологической дисциплины, которая давала бы целостное представление о социальном мире и одновременно отвечала бы интересам капиталистического правящего класса» (С. 19): мир утратил прежнюю целостность, и говорить о некоем едином капиталистическом правящем классе, поддерживающем единую модель университета и научного знания, вряд ли возможно. Однако автор дает слишком сильные оценки даже классическим социологическим концепциям, например, соглашаясь с высказыванием А. Гоулднера о наследии Парсонса как «ложной идеологии нового класса, воплощенной в лстивой концепции профессионализма» (С. 20), определяя позитивизм как «отражение буржуазной действительности», поскольку «он не признает никакой другой реальности, кроме той, что проявляется эмпирически», — «социология материализует и нормализует то, что существует» (С. 21), оценивая социологический «критический дискурс» (внутри дисциплины и в контексте социального реформирования и строительства государства всеобщего благосостояния) и «организованный скептицизм с более радикальным потенциалом» как иную форму «профессионального высокомерия и ненаблюдательности среднего класса» — «социология ограничена буржуазным

взглядом на буржуазную действительность, хотя в ней и заложен потенциал разоблачения ошибочности этого подхода» (С. 22).

Нынешнюю эпоху автор называет постнормальной, считая ее «нестабильным междоцарствием, существующим в условиях, когда становление глобального человечества блокируется... капитализмом... в условиях глобализации противоречие между частным присвоением и общественным производством разгорается с новой силой, постоянно вызывая социальные потрясения» (С. 26) (пандемии, военные конфликты, гонки вооружений, идеологические противостояния и пр.). В результате размывается предмет социологии, обеспечивший ей легитимацию и институционализацию в эпоху становления, — социальный порядок, за который отвечали национальные государства, выполняя «садовническую роль» (универсализации власти как порядка). Приоритетную функцию социологии автор видит в том, чтобы побуждать и направлять государство-садовника, «утверждать легитимность действительности и тем самым участвовать в ее депроблематизации, упорядочивании и стабилизации; стабильный порядок, научным исследованием которого занимается социология, — это нормальность (нормальный человек и нормальность как условие общественной жизни)» (С. 36), но как раз о ней применительно к современному миру говорить сложно.

В первой главе автор описывает конец «нормального времени», перечисляя его основные, постнормальные, характеристики — антиномии прежнего нормального состояния (С. 53). Прежде всего, это отсутствие онтологической безопасности: индивид не защищен от угроз и хаоса, не имеет стабильных представлений о природе, технологиях и социальной системе, не уверен, что завтра будет такой же день, как сегодня, сомневается в надежности людей и вещей. В прежние эпохи такие черты социальной жизни были исключением из правил (экстраординарным отходом от нормальности) на относительно непродолжительные периоды войн, катастроф, эпидемий и т.д., а сегодня стали «рутиной повседневной жизни». Конечно, «нормальность всегда имела горький привкус: хаос, от устранения которого она зависела, никогда не удавалось ликвидировать полностью» (С. 64), но всегда сохранялась надежда на возврат в нормальное состояние (определенности и прогнозируемости).

С начала 1990-х годов в научных работах появляется противоположный термин — «постнормальное состояние» — в связи с экологическими вызовами, порождаемыми современными технологиями в условиях «общества риска» (С.99–101), ответы на которые должна была дать наука. Речь шла не столько об отсутствии соответствующих концепций и методик, сколько о необходимости отвечать на ценностные вопросы, не сводимые к научной дискуссии, а требующие публичного обсуждения в связи с моральными и политическими дилеммами. Наука и техника утратили «ценностный нейтралитет», став «постакадемическими», — они оцениваются, исходя из полезности,

которая лежит в основе их продолжающейся приватизации, маркетизации и политизации.

Другая важнейшая черта постнормальной эпохи — не только ее хаотичный и противоречивый характер как таковой, но и научное рассмотрение ее очевидной неопределенности и сложности как неких сил/акторов, «что затушевывает социальную динамику, порождающую противоречия и хаос, и реальные социальные силы», делает ученых «слепыми» — не позволяет увидеть, что большинство современных проблем «представляют собой сложную комбинацию природного и социального» (С. 107), «препятствует диалогу и интеллектуальному сотрудничеству между специалистами в области наук о Земле и социальных наук» (С. 108), а, значит, и нахождению социологией «своего места между этими двумя культурами и, следовательно, внутри себя, между субъективными способами интерпретации и объективным объяснением» (С. 109). Автор наблюдает, с одной стороны, гипернормализацию социологии в рамках мейнстримной традиции — несмотря на теоретические проблемы, социология «становится все более самореферентной, изолированной, оторванной от широкой интеллектуальной культуры, активно враждебной гуманитарным наукам и безоговорочно поддерживающей технократический либерализм», «стремится имитировать методы естественных наук, сводя к измеримым единицам комплексность содержательных культурных миров, создаваемых людьми» (С. 115). С другой стороны, развивается постнормальная/постпозитивистская социология — как «результат интеллектуального кризиса позитивизма и связанного с ним кризиса кейнсианско-велферистской технократии» (С. 115), что проявляется в распаде предметного поля социологии на множество культурных, этнических, гендерных и прочих исследований самореферентного толка.

Во второй главе автор сосредотачивается на итоге противостояния этих двух путей преодоления кризиса социологии — переходе «от патологии нормы к норме патологии» (С. 153–154). Если модерн (национальные государства, затем государства всеобщего благосостояния, капиталистические экономики и т.д.) рутинизировал жизненный опыт посредством устранения причин экзистенциальной тревоги и сделал наше социальное существование предсказуемым (и банальным), то с началом глобализации и постмодерна ситуация радикально изменилась, «нормализовав» патологическое состояние общества: отсутствие центров силы и солидарности, освобождение финансового капитала от географической привязки, отказ государства «как исполнительного комитета правящего класса» от социальных обязательств и т.д. (С. 198).

В третьей главе автор поясняет, что «судьба социологии — это судьба исследовательского университета», и долгое время «социология давала светское обоснование того, почему государство должно финансировать исследовательские университеты и почему, несмотря на это, государство не имеет права посягать на автономию науки» (С. 213): потому что наука — обще-

ственное благо, и необходима концептуализация общества (национальное государство — его садовник, дизайнер и социальный плановик), для которого это благо предназначено (прежде всего в виде социальных реформ). Иными словами, «реформизм и медиация тесно связаны с образом научной объективности (в том числе как этической категории), поскольку предполагают возможность реформы как проекта, нейтрального по отношению к интересам капитала и труда (в силу нацеленности на общее благо). Образ объективности дает реформаторам политическое пространство для маневра, а также легитимизирует их вмешательство. Однако сама по себе нейтральность науки потенциально угрожает той содержательной рациональности, которую наука обещает реформаторам» (С. 215). Как ни странно это звучит, но автор упрекает М. Вебера в разрушении этой версии технократического социального реформизма посредством введения модели взаимодействия ученого с социальными целями «по принципу “исполнитель–заказчик”»: «Вебер предложил модель ученого как человека морального в своей аморальности (претендует на добродетель как носитель рациональности): страстно преданного истине, но ответственного только за факты, а не нравственные ценности... что в значительной степени соответствует рациональности рынка, включая его потенциальную иррациональность в отношении результатов» (С. 216–217).

Впрочем, исходную предпосылку нынешнего постнормального состояния общества и социологии автор видит не в «критике Г. Маркузе иллюзорного характера веберовского упования на ценностно-нейтральную науку» или в «нападках К. Маркса на частичный характер политической эмансипации», а в том, что «современное освобождение знания, прославляемое либеральными мыслителями как освобождение интеллектуальной жизни от политических ограничений и искажений, налагаемых религией, предвзятой моралью и т.д., устанавливает такую форму интеллектуальной деятельности, которая по своей природе неспособна подвергать сомнению цели, которым она служит... наука становится жертвой и орудием господствующих социальных сил» (в том числе финансирующих ее агентств) (С. 251–252). Кроме того, «саморазрушение разумного общественного дискурса» автор объясняет самоизоляцией академического дискурса, который «поощряет иррационализм, царящий в общественном дискурсе» (С. 255).

Инструкций для выхода из сложившейся ситуации автор не предлагает, завершая книгу главой о «социологическом моменте», где вновь перечисляет свои основные аргументы: «генерализованная нормальность была садом, разбитым в границах национального государства» в эпоху модерна, и даже девиантность воспринималась как «квинтэссенция социологической экспертизы, поддерживающей садовнические функции национального государства» (С. 291); социология была «проектом социального производства нормальности, проектом рутинизации социальной активности в современном капиталистическом мире, оторванном от традиций», но пыталась скрыть «произве-

денную (и потому неустойчиво контингентную) структуру повседневности («незаметный» фон и фундамент социологической теории) своей эпистемологией и методами» (С. 292); главная задача «нормальной социологии» — «превращать повседневное из неявного и незаметного в явное и очевидное» (С. 293). Нормальная социология с этой задачей не справилась, потому что объективировала людей, не видя в них акторов и интерпретаторов действий, т.е. овеществляла людей не в меньшей степени, чем социальные нормы, институты и структуры (С. 294): «профессиональный нормальный социолог руководствуется своими статусными интересами, отрицая и затушевывая осведомленность обычных людей о социальных процессах, именно для того, чтобы скрыть заурядность социологии и укорененность его профессионального знания в повседневной жизни» (С. 295–296) (такая «заурядность» — классический принцип этнометодологии Г. Гарфинкеля).

Предлагаемая альтернатива — «рефлексивная социология»: «реконструируя осознание обыденности и ее активного, но скрытого формирования в ходе повседневной жизни, она дает людям возможность преобразовывать свой привычный мир» (С. 295) (по сути, это определение качественного подхода и активистской/деятельной/публичной науки). Автор настаивает на необходимости замены нормализующей интенции социологии (как инструмента рутинизации и бюрократизации утопии профессионалов) проблематизирующей — отказом от стремления «укрепить “объективную” реальность... и оградить существующие отношения от того, чтобы они были поставлены под сомнение», а также от «эпистемического авторитета профессионального эксперта... выносить суждение об объективной реальности, одновременно отказывая в эпистемическом авторитете и самостоятельности людям, которые изучаются как объекты» (С. 297). В итоге «социологический проект изгнания амбивалентности с помощью научно определенного светского нравственного порядка уступил место постмодернистской игре различий» (С. 354), что повлекло серьезные последствия для самой дисциплины: фрагментация общества на поляризованные группы интересов устранила возможность социального консенсуса, что способствовало дроблению социологии на партикулярные области исследований и утрате своего целостного ядра. Многие течения вышли за пределы «самопровозглашенного мейнстрима», создав новые академические направления в отрыве от изучения общества как социального целого, — автор называет эти течения «постнормальными формами социальной науки», а в совокупности «постнормальной/постмодернистской социологией с постпозитивистской эпистемологией» (С. 375–376).

Несомненно, книге Торпа не откажешь в фундированности: каждая из составляющих ее четырех глав снабжена убедительным библиографическим аппаратом с авторскими комментариями, и практически на каждой странице текста есть ссылки на научные авторитеты (включая классиков социологической мысли). Книга интересно читается благодаря переплетению прошлого

и настоящего, традиционных концепций и новейших идей на пересечении предметных полей социальных и гуманитарных, общественных и естественных наук, но с неизменным акцентом на значимых социальных изменениях и их последствиях для внутреннего состояния и внешнего восприятия социологии. В то же время многие оценочные суждения автора вызывают сомнения не столько своим содержанием, сколько используемой терминологией: понятия постнормальной эпохи, гипернормализирующего социологического мейнстрима, буржуазного университета и многие другие представлены в книге скорее как онтологические сущности, нежели как социальные конструкторы (или веберовские идеальные типы).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-525-531
EDN: XIWNCJ

In search of a definition for the “type” of today’s sociology*

Z.T. Golenkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: golenko@isras.ru)

Abstract. The article is a review of the book by Ch. Thorpe *Sociology in Post-Normal Times* (translated from English by T.Yu. Adamenko. Moscow: Directmedia Publishing, 2024. 480 p.). The author notes the convincing ‘nominations’ of contemporary society and transformations of sociological knowledge due to generalizing references to numerous works of famous social thinkers of the past and present, but at the same time expresses implicit disagreement with assessments of sociology in terms of class structure, bourgeoisie and capitalism. It is hard to disagree with many of Thorpe’s observations in relation to today’s everyday life and intra-disciplinary changes but not with his assessments of the role and potential of sociology in understanding, explaining and reforming social systems.

Key words: sociology; normality, hyper-normality and post-normality; modernity and post-modernity; science and ideology; globalization and fragmentation

For citation: Golenkova Z.T. In search of a definition for the “type” of today’s sociology. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 525–531. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-525-531>

*© Z.T. Golenkova, 2025

The article was submitted on 16.11.2024. The article was accepted on 15.04.2025.